

Михаил
ТУРБИН
писатель

Михаил Леонидович родился в марте 1941 года в прелестном орловском городе Ливны. После школы успешно работал на местном заводе токарем, слесарем.

Отслужив в армии, вернулся в родной город, потом закончил Орловский пединститут (исторический факультет), трудился в сфере народного образования, в правоохранительных органах. С юности пишет стихи и рассказы. Автор пяти поэтических сборников, оведавших в Москве, Калининграде, Орле. Лауреат премии СП России и московского Орловского землячества «Вешние воды» 2007 года, тогда же стал кавалером «Золотой Есенинской медали».

Невыносимая жара внезапно оборвалась, подул холодный порывистый ветер, началась сухая гроза и завершилась опять зноем. Наконец пошли мелкие грибные дожди. Лето двигалось вприпрыжку, подходило к своему концу, оставляя на дачах богатый урожай.

Наступили мягкие осенние дни. В небе густо зависала паутина с комочками белых узелков. Незримая сила подняла ее с земли и затянула в высь, а на земле до позднего вечера ощущался разлив сонной тишины.

Данилкины сидели на дачной скамеечке под яблоней, отдыхая после посадки чеснока, как вдруг из кустов смородины вышел кот. Он с достоинством посла хвостатых подошел к ним, потерся об ногу сидящей пенсионерки и, сладко зевнув, показал розовую пасть. Мягко вспрыгнул на незанятую часть доски как полноправный член семьи. Сел и устроил свои зеленые кругляшки туда же, куда только что смотрели супруги. Какое-то время все трое сидели неподвижно, застыв, как на фотографии. Старики даже опешили от такого непрошеного гостя. Молчали, словно это действительно был их кот, а не прибудный нахал.

— Красивый кот, — придя в себя, негромко заключила Данилкина, — сразу видно, что домашний: холерный, упитанный.

Действительно хорошо смотрелся: большой, мордастый, корноухий, тигрового окраса с пушистым хвостом.

Муж засомневался насчет пола:

— Может быть, кошка?

— Кот! — сказала, как отрезала, жена. — Не спорь со мной. Глянь, лапы крупные, сам стройный, смелый. Ничего не клянчит, а кошки — известные трусихи. Весь вопрос, чей он? Надо

Лриплод

Рассказ

спросить у Тимофеевны. Она все знает, даже что у кого пропадает...

Данилкин хмыкнул, а про Тимофеевну подумал: откуда у их старой знакомой столько любознательного огня? Успеваешь обождать округу и переговорить со всеми соседями, предупредить их, например, что сегодняшний день не посадочный по лунному календарю. И православные праздники знает неплохо. Одна странность: по ее словам, у нее всегда на грядках намного хуже, чем у других. При этом ойкает:

— Ой, у вас клубничка зацвела, а мая никак не отойдет от зимних морозов... Или про огурцы:

— Ой, глянь, ваши-то зацвели, а скворцы у меня все ростки расклевали!..

Так из года в год: то ли завидует, то ли подбадривает соседей, а урожай у себя снимает — дай бог каждому! И не из жадных: делится семенами, дает дельные советы по консервированию.

На просьбу посмотреть прибудное животное живо отозвалась. Надела очки с толстыми стеклами и, завалив его на спину, стала внимательно рассматривать под хвостом опознавательное «достоинство». Данилкин притихнул, а Тимофеевна как опытный специалист решительно сбросила изучаемый объект с лавки: «Брысь!» и села на его место.

Сняв очки, заключила: «Молодой кот! Был у хороших хозяев, да потерялся и пристал к вам. Жалко, пропадет зимой. Забрали бы к себе».

— Я кошек не люблю! — быстро сказал Данилкин. У нас был однажды ры-

жий обормот, до сих пор кресло и диван стоят ободранные. Лучшее само его приюти, ты у нас кошатница.

— Я бы взяла, но у меня уже есть Лукаша и Гашка. Мне мужиков не надо. Куда я котят дену?

— Пусть возле нас пока живет, — подумав, сказала Данилкина. — Я ему у порога миски с едой и водой оставлю. Опять же мышей вокруг много, да и мы будем подкармливать котика, а там посмотрим, что с ним делать. Может, он хозяев своих отыщет. До зимы еще далеко...

Так кот прибил к их дачному домику, но жил не в нем, а под крыльцом, в ящике с тряпьем. Каждый раз он встречал их радостным мяуканьем, терся об ноги, обнюхивал каждого и с урчанием пожирал принесенную пищу. Жалостные пенсионеры баловали его даже молоком. Кот заметно потолстел и благодарно подносил новым хозяевам полупридушенных мышей, предлагая ими поиграть. Подолгу грелся на теплой бетонной дорожке, вбирая в себя последнее тепло осеннего солнца. Кот как кот. Потретса, поласкается и хватит с вас — идет по своим делам.

Наступил период нудных холодных дождей, и дней десять они не показывались на даче, а когда дожди прекратились, отправились туда, не забыв взяв кусочки колбасы и молока для кота. Заслышав скрипы калитки, он выбежал к ним навстречу с радостным мяуканьем — соскучился в одиночестве. Пока жена поила его молоком, Данилкин решил проверить, не протекла ли

крыша домика. Он открыл дверь и только подошел к лестнице на мансарду, как к ногам свалился со ступеньки серый комочек и запищал. Это был котенок — новорожденный, беспомощный, еще слепой. От неожиданности Данилкин чертыхнулся, задался громкими вопросами: откуда, чей и как сюда попал? На возгласы недоумения поспешила жена.

— О-о-о! — протянула она. — Вот это подарок!

Она взяла котенка и вышла во двор, чтобы хорошенько рассмотреть его на свету, а муж дважды обошел домик, но так и не нашел никакой дыры, через которую кошка могла бы проникнуть внутрь комнаты. Тогда он поднялся на мансарду и оглядел единственное окно. Стекла были целы. И тут он заметил: одна фрамуга еле-еле колыхается от сквозняка. Вспомнил, как несколько лет тому назад он вместо разбитого стекла временно вставил тонкое оргстекло, закрепив его в верхней части двумя гвоздиками. У беременной кошки хватило сообразительности вскарабкаться и отогнуть это оргстекло, чтобы оказаться внутри комнаты. Данилкин подумал, что родившая котенка кошка — подруга их кота и она где-то рядом, должна вернуться. Пока он дивился ее смекалке, жена сделала другое открытие:

— Иди скорее сюда, любуйся! Кот лежал на крыльце и блаженно лизал котенка, а тот перебирал лапами густую шерсть на его брюхе и жадно посасывал грудь. Полнейший конфуз! Кошку приняли за кота. Ну Тимофеевна, ну специалист! А еще очки надела, утверждая: «Молодой кот!». Жаль, нет ее поблизости, посмотрела бы на кота с приплодом.

— Ты взгляни, чем роженица питалась в эти дни, — заметил Данилкин, — полкабачка съела и почти весь огурец. Никогда не знал, что кошки едят овощи.

— После родов ее жажда мучила, а сил не было для охоты на мышей. Кабачок-то рядом — чем не еда?

В подтверждение этого кошка, накормив котенка, подошла к обгрызенному кабачку и принялась его доедать — принесенного молока оказалось мало-мало.

— Что делать будем? — почесал лысину Данилкин. — Ночами холодает, вот-вот морозы наступят...

— Что-то, не знаешь что ли? В корзину обоих посажу и понесу в горod. Пусть живут у нас, веселее будет с ними в зимние вечера, все одно — диван и кресло ободранные.

Идут девчушки...

Голос

Я вышел в ночь, душе моей нейметса,
Кричу надрывно в звездный небосвод:
— Свобода без усилий не дается,
Свобода слабаков не признает!

И чей-то голос мне ответил четко:
(Он шел не с неба, но издалека.)
— Вы все давно живете за решеткой,
И вами правит сила кулака.

Чего орешь, как бомж от безнадеги?
Проспись, поэт, ступай себе домой.
Свободен тот, кто пребывает в Боге,
А не живет одной лишь головой.

Я промолчал, напился у колодца,
Но напоследок прокричал во тьму:

— Свободен тот, кому она дается,
А прочим надо улучшать тюрьму!

Молодой

Все пустил на распыл,
Ноль в итоговой сумме.
Жилы рвал, а не жил
И со стоном же умер.

Откривался во мгле
В наркотической ломке.
А мечтал на земле
Продолжаться в потомках.

Но никак не успел
Показать себя в деле,
Да и не было дел —
Миражи одолели.

Нет вокруг него птиц —
Раскрошит хлеб забыли...
И лежит, словно шприц,
Тень креста на могиле.

Выше некуда

Смелеет птица и добреет зверь —
Нашла на тварь какая-то проруха:
В толпе дичает человек теперь,
Живет остатками отеческого духа.

Манит его чужой заманный путь —
Ключи от счастья звякают на блюдце...
А язвы мира, может, как-нибудь
В глобальном царстве сами рассосутся.

С прорухой этой горе обретешь:
Грядущий лад в России понимали...

В эпохе прошлой поднималась ложь,
А в этой — забралась на Гималаи!

Взгляд

Вторичны все на свете вещи,
Как и шедевров сказочные сны.
Первично — совершенство женщин,
С рождения не имеющих ценн.

Летят, летят снежинки густо,
Печален их тожественный полет.
Жизнь коротка небесного искусства,
Застывших форм оно не признает.

Идут девчушки, и бредут старушки...
Какой контраст! А дух сомнений влез:
— Как посмотреть: от пяток до макушек?
Иль от макушек их и до небес?